

КОНСТАНТИН КОМАРОВ

ОТ ВРЕМЕНИ ВДОГОНКУ

Екатеринбург
Творческое объединение «Уральский меридиан»
2012

ББК 84(2Рос-Рус)
К63

Издание осуществлено
при поддержке
Министерства культуры и туризма
Свердловской области
и Екатеринбургского отделения
Союза писателей России

Комаров Константин Маркович.

К63 От времени вдогонку. Стихотворения — Екатеринбург: Творческое объединение «Уральский меридиан», 2012. — 60 с.

ISBN — 978-5-904646-04-2

Константин Комаров родился в 1988 году в Свердловске. По образованию — филолог, активно публикуется как поэт и литературный критик в журналах «Урал», «Новый мир», «Вопросы литературы», «Бельские просторы» и других. Живет в Екатеринбурге. Книга «От времени вдогонку» включает в себя избранные стихотворения 2008-2011 гг.

ББК 84(2Рос-Рус)

© Комаров К.М., 2012

© Казарин Ю.В., предисловие, 2012

© Сайфулин А., обложка, 2012

© Творческое объединение

«Уральский меридиан», 2012

ISBN — 978-5-904646-04-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поэзия, попавшая на язык, или в язык, или выжатая человеческим и нечеловеческим даром, то есть усилием, то есть мощью, то есть талантом, — такая поэзия прежде всего есть вещь в себе. Она непреложна и обязательна, как погода.

Гёльдерлин и Хайдеггер вслед за ним, возопившие: «Петь для чего?!», да ещё: «В наше скудное время...» — в большей степени говорят о стихотворчестве, о литературе и о социальном времени, всегда скудном и — примитивном в силу своей запланированности, сконструированности и пресловутой креативности. Такое скудное время есть креатура, но не природы, бога и космоса — а человека. Скудное время — артефакт, и мы делаем с ним всё, что хотим.

Константин Комаров не задумывается: для чего? почему? кому? как? и где? когда? и куда? Он не может не петь. Как истинный поэт он рассекает скудное время, добиваясь иного — подлинного. Комарову-поэту трудно, больно и тяжело: разводить пласты разрубленной артефактуальности в стороны для того, чтобы сотворить Проём — выход и вход, подходящие по размерам вечности, которая появляется только там, где просто поют — сквозь артефактуальность, чтобы оборонить главное — природное, не испоганенное, проданное и преданное человеком потребительствующим.

*Лирическая дрожь пульсирует в гортани,
а чёрта ли с того беспечным облакам:
я мир очередной сквозь рифму прокартавил,
и тотчас этот мир пустился по рукам...*

Господи! Вечное, попадая в скудное, — оскудевает! Вот — мысль. И — мука. Стихи К. Комарова вертикальны.

Движение музыки, образов и смыслов кругообразно: то центростремительно, то центробежно. Строфы у Комарова (как и целые стихотворения) развиваются в воронкообразные потоки-фигуры. Как у И. Бродского. Но у того воронка засасывает и тянет вниз, а у Комарова она — конусо-пирамидальна и всегда выбрасывает тебя катарсическим могучим влечением — вверх.

Вещество времени-вечности родственно веществу поэзии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уверен, что авангард возникает тогда и там, где артефактуальность и креативность обожают и где «божественное» измеряется деньгами. Комаров сминает свою авангардность (которая всегда есть в молодых как протест и эпатаж), ему больно. И это хорошо: поэту всегда больно. Поэт — звучит больно. Ему и звучать больно. И — молчать.

*И люди скажут: неизбежность,
души прогнившая броня.
А это, братцы, просто нежность,
почти добившая меня...*

Вещество поэзии неоднородно и разнородно, поэтому вербализуется она в бесконечном количестве вариантов: от Баркова до Державина, от Дикинсон до Фроста, от Шекспира до Одена, от Маяковского до Мандельштама (без временного и исторического зазора!). Поэзия поли- и монофонична. Одно- и многоголоса. Просодический феномен К. Комарова, прежде всего, выражается в его многоголосости, в его полиинтонационности, в его многомыслии и многочувствовании, но все эти оппозиции (имманентные, имплицитные) систематизируются и скрепляются воедино моноинтенциональностью. Поэтическая доминанта К. Комарова заключается в движении — не брουνновском, но шаровом, где в центре комаровской поэто-сферы дрожит, вибрирует, источает энергию (мощную: «не влезай — убьет!» — надпись на столбах линии электропередач), расщепляет себя и мир и синтезирует его множественное ядро: поэт — ангел — сердцевина мира.

*Встаю босой стопой на вечности осколок,
уже не глушит боль очередная смесь.
Кто спросит — передай: меня не будет скоро.
Скорей всего — нигде. По крайней мере — здесь.*

Вот — ощущение ядра, которое не здесь. Главное (самое) — не здесь.

Знаю, что К. Комаров слышит (стихи), думает (стихи), страдает (стихи) и пишет много. Это — хорошо. Поэт интуитивно

ПРЕДИСЛОВИЕ

знает процессы существования и взросления поэтического таланта: сначала (по молодости) поэт «пишет» стихи, а потом... Потом наступает момент подлинности: стихи «пишут» поэта. Все гениалоиды добирались до этого периода (имен называть не стану). Но есть и третий период, когда стихи и поэт «пишут» друг друга. К. Комаров чрезвычайно талантлив. Дай бог ему пройти сквозь второй и прорваться к третьему этапу «сочинительства». У него есть для этого всё: дар, сила, ум, сердце и душа. И стихи есть, настоящие, потрясающие:

*Бог забит молотками молитв,
бога нет, бог не чувствует боли.
У меня же бумага болит
и звенит, словно русское поле...*

Ю. КАЗАРИН

* * *

Лирическая дрожь пульсирует в гортани,
а чёрта ли с того беспечным облакам? —
я мир очередной сквозь рифму прокартавил,
и тотчас этот мир пустился по рукам.

Я так давно не брал горячие ладони
в остывшие свои, в отжившие свои,
я херю бытиё на тысячи агоний
и раз за разом их пластую на слои.

Чего тебе ещё от неуклюжей глотки,
твердящей невпопад о бешеных любвях,
тягучим шепотком, шершавым и негромким,
который чудом лишь навечно не обмяк.

Что это как не вновь дешёвое кокетство,
простительный вполне поэтовый каприз;
ноябрьской грозы безбашенный оркестр
взрывает мой висок и тянет на карниз,

но на хер и его: карнизов слишком много,
почти как сигарет — в моих кривых строках,
такой бесплатный сыр: сначала метишь в бога,
а втянешься — и век кукуешь в дураках.

И некого жалеть. Кого тут пожалеешь?
Меня ли — или мир, обременённый мной?
Не худший вариант — подохнуть поживее,
желательно — бухим, желательно — зимой.

Жевательной, а то — стирательной резинкой
сжевать пустую жизнь и время с глаз стереть;
мне каждый божий день безбожно шлёт визитки,
суёт их между строк придиричивая смерть,

и, тыкаясь душой в колючую ограду
обмыленных словес, где всё так по уму,
я понимаю, что меня тебе не надо,
таких вообще уже не надо никому.

Встаю босой стопой на вечности осколок,
уже не глушит боль очередная смесь.
Кто спросит — передай: меня не будет скоро.
Скорей всего — нигде. По крайней мере — здесь.

* * *

Бог забит молотками молитв,
бога нет, бог не чувствует боли.
У меня же — бумага болит
и звенит, словно русское поле.

Говорили — ты сходишь с ума,
Говорили — ты бес лицедейства,
но молчала, молчала зима,
позволяя в себе отсидеться,

позволяя одними губами
заменять непростой карандаш.
Улыбался СашБашу Губанов,
жал Губанову руку СашБаш.

Приходили и братья и сёстры —
словно бились об лёд осетры.
Имена их — беспомощно стёрты
до поры, до поры, до поры.

И на восемь — лиричные — строчек
паровозом я боль перевёз
посреди обезвоженных кочек
да в изножьях кровавых берёз.

Ни прибавить уже, ни убавить,
не разбавить ничем антураж,
ибо здесь — непонятен Губанов,
ибо здесь — невозможен СашБаш.

И лисицами пожраны зайцы,
и без шага шагает нога,
только небо с любовью эрзацной
всё глядит свысока на снега.

Кто же тут резюме нарисует,
если умер, как сказано, бог,
если стих мой изюмом безумья
запечён в этот сладкий пирог?

Мне себя самого полужалко,
а иных я не смею жалеть —
мне девицей в цветном полушалке
лихо косы раскинула смерть.

Так дадим плачу-хохоту ходу,
ни петле не дадим, ни ножу...
...Эй вы там, мне ещё неохота.
Я пока ещё здесь посижу.

* * *

Мир залит жидким креозотом,
и чёрн как чёрт, и бел как лист;
разрезав жизнь по эпизодам,
ложится спать слепой артист.

То в полынью, а то в воронку
шальная падает звезда,
а я от времени вдогонку
бегу, надеясь опоздать

туда, где старт целует финиш,
и рефери усталый врёт,
где выстрел ухаёт, как филин,
но пули замерзают влёт —

уже без скидок на одышку
души, ломящейся в гортань, —
туда, где шьют кафтан на Тришку
швеи заречья потудань.

Трубят обрубленные речи
тех, чей отсрочил я визит,
и лихо от меня навстречу
пространство пьяное сквозит.

Нет ни любви уже, ни веры,
надежду побеждает страх,
и плаваются секундомеры
у замерителей в руках...

...На кухне сигарета. Спички.
Накрошен тараканам мел.
Я отдышусь. Попью водички.
Я не успел... И уцелел.

АККОРДЫ КОНДОРА

Я никогда не видел кондора,
возможно, он похож на ястреба,
зато твои шальные контуры
сквозь призму строк видны мне явственно.

Махни рукой мне, красна девица,
да хоть бы брось в меня паяльником,
любовь на два разряда делится —
есть идеальная и одеяльная.

Платочек хоть оставь оброненный,
во тьме густой дорожку выбели,
ты знаешь, что моя ирония
растёт из ежедневной гибели.

Не по моей душе ушитая,
привычно рвётся смерть бумажная,
а жизнь всегда так неожиданна —
как расчленённый труп в багажнике.

Я много кофе пью, да и покрепче что,
лишь от тоски, а не от гонора,
и ангелы кричат, как кречеты,
а я хочу услышать кондора.

А люди ходят коридорами,
всё время ходят коридорами,
а люди лязгают затворами,
а люди мучатся запорами,

поэты мечутся по вечности,
как в трюме крысы корабельные,
поэтыдохнут от беспечности,
пропив свои кресты нательные.

А я тебя хочу взять за руку,
из темноты сердечной вычлени,
и отвести куда-то за реку —
хоть сказочную, хоть обычную.

Да только кондор мой не пустится
в такие бешеные странствия,
его единственная спутница —
моя безумная абстракция.

И я останусь в этом городе,
в чушь несусветную закованный,
ведь крылья кондора проколоты
стихов стальными дыроколами.

Так стоит вовсе чем-то клясться ли,
когда нервишки так поношены?
Мой кондор не сойдёт за ястреба,
что, падая, кричит по осени.

* * *

Говорили — ищущий обрящет,
пичкали заведомым враньём:
будущее пахнет настоящим,
в настоящем мы сидим и пьём.

И в погоду пьём, и в непогоду,
пьём за слогом слог, за часом час,
разбиваем зеркала о воду,
чтоб они не отражали нас.

И, пока считаете банкноты,
застилая ими свой мирок,
оплодотворяем мы блокноты
белой яростью несовершенных строк.

Просто слишком поняли мы рано,
направляя смерть по осевой,
ирреальность этого стакана,
иллюзорность этого всего.

Потому что подошёл к роялю
самый неумелый пианист:
— Наливай мне, милый друг, с краями!
Придвигай мне ближе чистый лист! —

Синева чернил густей небесной,
только выцветает то и то;
умилён игрушечною бездной,
пленный дух вернёт нас в шапито.

Кто-то наколол нас, мой любезный.
Кажется, я даже знаю — кто...

* * *

Когда впервые я упёрся,
нетрезвый и полуживой,
в паркет узорчатый и пёстрый
своей немойтой головой,

где хлам словесный в кучу свален
и ржавчиной изъеден весь,
тогда я стал сентиментален
ко всем, кого не встречу здесь —

в координатах коридоров
и на просторах чердаков,
у тех невидимых кордонов,
где убивают чудаков.

Но не тяни свои ручонки
ко мне, осатаневший мир,
с тех пор я слишком удручённый
и искривил прямой эфир

своих прожжённых сновидений,
своих истресканных зеркал.
А с вами было б офигенней,
и был бы крепче мой закал.

Но вот ползу я на карачках
(свинья не выдаст, бог не даст)
и жду, когда меня горячка
последним холодом обдаст.

И люди скажут: неизбежность,
души прогнившая броня.
А это, братцы, просто нежность,
почти добившая меня.

* * *

Когда ты сделан не по ГОСТу,
когда один ты в тишине,
то расстояние до погоста
тебе уменьшено вдвойне.

Когда не стиснут берегами
пространства бесконечный лёд,
она тебя подстерегает,
она тебя подстережёт.

На дне стаканов киснут даты,
и нервной грифельной резьбой
вод кистепёрые солдаты
ведут подлёдный свой разбой,

скрываясь в водорослей дзотах,
усаами жадно поводя,
...а ты — живой на восемь сотых,
а ты — немного погода

своё не стерпишь поражение,
что не нашёл себя нигде,
и взледенеет отраженье
в никелированной воде.

Таким и я был миру явлен
мас юобос — собою сам.

Мой шарф цветаст. Мой вид подавлен.
Моя свобода не по вам.

* * *

С тех пор, когда не стало больше смерти,
пугать рассогласованностью фраз
мне некого; здесь слишком много смелых,
но смелость вся выходит напоказ.

И всё идёт достаточно цивилично,
дрожат кулисы, заняты места,
но грифель проникает в сердцевину
обычного тетрадного листа.

И циферблат с улыбкою акульей
глядит в глаза уснувшим, в темноту,
и между строчек гулкие лакуны
слова глухие держат на лету.

Так сумрачно, так далеко от века,
так ненавязчив ядовитый пар.
И быть немного больше имярека —
последний твой случайный гонорар.

И вроде больше незачем пластаться,
и можно тихо лечь ни для кого.

Но не прощает этого пространство,
а время — не прощает ничего.

* * *

Этот мальчик поэт, этот мальчик — он просто не вырос,
оттого нечто бабье порой в нём находит бабьё,
и хотя временами он путает с клитором клирос,
но до смерти своей никогда никого не побьёт.

Этот мальчик устал, но его вековая усталость
не сдалась никому, он в стихи её тащит кулём,
он не держит икон, у него неполадки с крестами,
но зато замечательно ладит с великим нулём.

Он ни в чём не уверен, а значит, во всём неумерен,
только хочется, хочется, хочется не умереть, —
он из мальчиков тех, что совсем умирать не умели,
только умерли — так, как уже никому не суметь.

Этот мальчик — ничей, он в простор ненавязчиво выбыл,
там не сахарно — но там он звучных пустот вестовой,
тут по-старому всё, снова девочка делает выбор
между ним и «вон тем», предпочтя, как всегда, «вон того».

Тонкокожих ночей тяжело выжимается мякоть,
и стена с потолком пахнут так, как не пахнет левкой.
Над стихами его ты попробуй потом не заплакать.
Ты сумеешь, я знаю, вам это даётся легко...

И не видит никто, как уводит прицел карандашный
неразборчивый ластик в последний и страшный предел,
а потом выясняется — есть пострашней и подальше,
но не верят ему, потому что он здесь не слетел.

* * *

То ли ангел спичкой чиркнул,
то ли в подворотне чикнул
блатарёк ножом.

То ли оголённый провод
мне даёт последний повод,
чтобы я ушёл.

Я остался. Мне осталась
самая большая малость
скользкого пути.

Смерть — нехитрая наука.
Прекрати мне сниться, сука!
Просто прекрати...

* * *

Пространство сладко, словно карамель,
и ядовито, как плохая проза.
Каминная карминная Кармен
жестоко гибнет в пламени мороза,

а я не слышу пенья аонид,
а вижу только исполнение планов,
и говорит со мною Леонид,
безвестный под фамилией Губанов.

Он говорит, но тихо и с трудом,
и я его почти уже не слышу.
Передо мной желтеет каждый дом,
охреневаает и теряет крышу.

В моём подвздошье застревает ложь
в потеху изолгавшемуся люду.
И ты когда-то к этому придёшь,
но я тому свидетелем не буду.

Dum spiro, spero... хера ли?! Глоток
небытия мне повредит едва ли,
ведь этот сумасшествия виток —
наверное, последний по спирали.

А наверху... Там пусто наверху.
Там скучно, там за час идёт минута.
Скелет в шкафу рассыпался в труху.
А я струхнул. И выжил почему-то...

И снова вижу серые дома,
И вновь штамую мрак напропалую.
Идёт такая лишняя зима...
И сигареты я взятяг целую.

* * *

Я не брил растущую бороду,
отчасти — назло, отчасти — из-за лени,
я бродил по бессильному городу,
по его покорным аллеям,
я терял иногда реальность
и блевал в непорочный снег,
мои мысли и рифмы терялись,
я искал их часами, а сег-
одня девушку встретил,
и укрыл её, потому что дуло,
и читал ей стихи о любви и смерти,
а она всё шла и смеялась, дура,
потому что она не могла поверить,
что можно стихом отлюбить и сдохнуть,
и слова мои уходили по ветру
и гудели, влетая в пустые окна.
И я целовал её, так как больше некого,
но поцелуи стыли и падали под ноги,
и ночь приходила всеобщим лекарем,
но не смогла меня вылечить, подлая.
И я отдал себя рифмам на откуп,
и, хоть тянуло меня на вокзал,
пришёл домой, и долго пил водку,
и выпил больше, чем написал.
На небе звёзд выпасалась отара,
и месяц-пастух вёл строгий догляд,
а мне чего-то жизненно не хватало,
или кого-то, кого уже не догнать.
Но люди прочтут мои строки и пробормочут:
«Эка невидаль, алкоголик с претензией!
Сам не знает, дурак, чего хочет,
безногую душу латает протезами».
И будут люди по-своему правы,
хоть и блестят в их зрочках нули.

Им хорошо: им не нужно отравы,
бритвы, карниза или петли.
А мне-то, поэту, — всё время — что надобно?
Мир-то большой — возьми от него!
Тем паче всего — сорок градусов снадобье,
да собеседника хоть одного.
Но то ли души у всех из меди,
то ли покой их нельзя беречь...
Нет никого. И опять я бредить
буду и в городе пыльном бродить.
И может быть, светом я вечным забрезжу
иль, как плохое вино, заброжу.
В первое верится реже и реже.
Видно, не в меру я много прошу.

ПИСЬМО Н. А.

Если душой не кривишь, значит, душу кровавишь,
Вечный стратег застарелой незримой войны,
Но тишина пианино, лишённого клавиш,
Кажется мне безысходней простой тишины.

Чёрные вороны красятся в белых и каркают громче,
Стая огромна, но каждый прекрасен и крут,
Старыми сказками кормит их новенький кормчий,
Им всё равно, и они с удовольствием жрут.

Может быть, правда, темны аллегории эти,
Только ведь я не пишу проходные хиты.
Но пустота, где живут лишь поэты и дети,
Кажется мне необъятней простой пустоты.

Я заскочил в этот мир покурить и погреться,
Курево есть, а тепла — невеликий улов.
Только слова, что срезаешь с поверхности сердца,
Кажется мне повесомей обыденных слов.

Что мне ещё рассказать тебе, милая Нина,
Не забывая пока, но уже не любя?
Может, как Батюшков видел во сне Гёльдерлина,
Так же во сне я однажды увижу тебя...

Хочется радости, блин, да вот как бы узнать бы,
Где эта радость, да рифма опять не велит.
Всё заживает, всегда заживает до свадьбы,
Всё заживает и после уже не болит.

Время пройдёт, ничего не поставив на место,
Промарширует по нам, как военный парад.
И, поддевая зрачком глину этого текста,
Может быть, ты улыбнёшься, и я буду рад.

---

* * *

И конница окон, и оклика клинок,
Двоим постель побольше, чем полцарства.
Я был с тобой, я не был одинок,
Я думал, что не кончится пацанство.
Пацанство кончилось, и сузилась кровать,
И я в себя просыпался, как греча.
И мне, как прежде, нечего скрывать.
Но — открывать... Да что уж: крыть-то — нечем.

* * *

Марго

Ты хотела про нас? Нас опять посылают за смертью,
не учтя лишь того, что мы сами себе палачи.
Плачь, кричи, матерись, истерически смейся,
разбивай зеркала, только — нет, — не молчи, не молчи!

Картография местности этой неправдоподобна,
здесь ландшафт провисает, но сильно пружинит рельеф,
топос сумрачен, но — мы маршрут изучили подробно,
коль дойдём, станешь там королевою из королев.

Ну, а я как всегда распластался по рифмам кальмаром
и готовлюсь вещать да бумагу собой угощать.
Я карманы держу широко, только дыры в карманах,
и поэтому ты иногда меня можешь прощать —

за упёртость мою, за летальную дозу наива.
Я торчу из пустот бытия, как из грядки морковь.
Время сходит к нулю. Мальдорор улыбается криво,
ближе к ночи пойдём, а пока — ты станцуй мне, Марго.

Без тебя в тех краях мне не светит уже ничего.

---

* * *

На третьей остановке от тебя
я был с троллейбуса за безбилетность ссажен
и вышел в мир, беспомощно грубя
всем встречным, ну а ты осталась с Сашей,
иль с Колей ли, а чёрт их разберёт:
все на одно лицо — и то рябое.
Я сплю и твёрдо знаю наперёд,
что завтра за углом столкнусь с тобою
под серым, кем-то высосанным небом,
лишённым даже оспинки огня,
и извинюсь — а ты пойдёшь за хлебом:
без хлеба жить сложнее, чем без меня.

* * *

Молчанью не нужен рупор.
Смотри на меня в упор!
Смотри и молчи, чтоб глупым
не вышел наш разговор.

Молчи и смотри. Готово.
Не наша с тобой вина,
что не различает Слово
предметы и имена.

В безумии волн фотонных
теряется слова след.
Насколько мудрец — фотограф,
настолько же глуп — поэт.

Но если не станет света
с последнею головнёй,
мы выживем только этой
нелепейшей болтовнёй.

Ни кисти мазок, ни нота
не смогут помочь — не ври.
Оставшаяся на фото,
со мною поговори.

* * *

Мне нечего сказать. Я знаю о немногом:
как вырастает речь на выдохе глухом,
когда ты обречён договориться с богом
и тянешься к нему шершавым языком,

как дождь поёт в виске, как вызревает слово,
срываясь и летя в молчание и крик:
ему уже плевать, оно уже готово
упасть собой плашмя на всполошённый миг.

И падает оно. И в воздухе сквозная
такая пустота, что нёбу горячо.
Такие вот дела... Ну а ещё я знаю,
как ночью ты сопишь, уткнувшись мне в плечо,

и мокрых губ твоих беспечные касанья
я выучил давно, как русский алфавит.
Я знаю, чем «прощай» не ровня «до свиданью»,
я знаю, наконец, как боль сама болит.

Но это не сказать: всё в подневольной тайне
гортани, вспухшей от невыплаканных слёз.
Один. А в остальном — мне этого хватает,
чтоб выжить как-нибудь. И умереть всерьёз.

* * *

Время истекает
потом и слюной,
кровью и стихами,
и тобой и мной,

рюмкой и стаканом,
чьей-то пьяной рожей
время истекает,
да истечь не может.

Время протекает,
как дырявый таз,
мимо телекамер,
мимо них и нас,

через визг трамваев,
через чью-то речь,
время размывает
контур зыбких плеч.

Ты теперь такая,
вроде и не ты...
Время истекает —
ни к чему бинты.

Обнулился таймер,
треснуло стекло.
Всё осталось тайной.

Время истекло.

* * *

Сжат сюжет и закручен в пружину,
словно небо застряло в земле,
и всё то, что с тобой пережили,
остаётся кружком на стекле

на замёрзшем, невинном, трамвайном
и таинственном, как Аркаим.
Всё, что я говорю, тривиально
по сравнению с молчаньем твоим.

Всё, что я говорю, незаконно
по закону от третьего дня,
только вечность, что столь законна,
даже видеть не хочет меня,

а в четверг будет дождь; может, после
ты погреться заскочишь ко мне,
но смотри, как бы не было поздно
понимать мой туманный койне.

А пока всё вполне себе даже,
плуг прошёл по застывшей меже.

Никогда ещё не было гаже
и, надеюсь, не будет уже.

* * *

В том городе, куда сбежали мы,
уводят в никуда пустые скверы,
и даже продавщицы шаурмы
загадочны, как древние шумеры,
в том городе, куда сбежали мы.

Здесь не тревожит хмурые умы
желание огромной чистой веры,
и даже точные и правильные меры
в пространстве света, светотени, тьмы
здесь не тревожат хмурые умы.

Под небом, вязким как нутро хурмы,
здесь носятся бескостные химеры
по переулкам, что как смерть прямы,
и по краям шершавой атмосферы,
под небом, вязким как нутро хурмы.

Гортань пузырится, но звуки здесь немы,
хотя пластичны, как прыжок пантеры,
и вызывающе прекрасны, как гетеры,
но говорить становится вломы:
гортань пузырится, но звуки здесь немы.

Пока мы в ожидании зимы
скрываемся за тёмные портьеры,
дома здесь расплываются в дома,
и в воздухе расхристан запах серы,
пока мы в ожидании зимы.

В том городе, куда исчезли мы,
готовит полночь новые премьеры
волшебной и невиданной фильмы...
Мы празднуем начало новой эры
в том городе, куда исчезли мы.

---

* * *

О, как стенные трещины узорны!
Мир герметичен и геометричен.
Люблю тебя, как Данте Беатриче,
И размягчаюсь, словно звук сонорный.

Смотрю в окно, а там пейзаж неброский,
Под глазом неба пыльные мешки,
И набело, не делая наброски,
Пишу тебе влюблённые стишки.

И пахнет время пряником с корицей,
И воздух рвётся изнутри на части,
И хочется чему-то покориться,
Чтобы не сдохнуть от такого счастья.

Гармония не делится на три,
Как две уснувших в пачке папиросы.
Не задавай дурацкие вопросы,
А пристально в глаза мне посмотри.

* * *

Полушёпотом, только губами
Расскажи мне о том, как с нуля,
Спесь у Хаоса чуть поубавив,
Возникает из слова земля.

И из этой земли прорастает,
В форме дерева или горы,
Всё, что хочешь, здесь схема простая:
Так богами творятся миры.

Ты молчишь и с собою уносишь
Эту смертную дикую страсть.
И качается циферка «8»,
И готовится набок упасть.

---

* * *

Так птица вылетает из гнезда,
Так, поскользнувшись, падает звезда,
Как смысл вырывается из слова.

Творенье растворяется Творцом,
Вселенную, что к истине торцом,
Анфасом поворачивая снова.

Сижу и с табаком вдыхаю грусть.
Так маринад пропитывает груздь,
А образ, приготовленный к зачатыю,

Великолепен, как прыжок с носка,
Как поцелуй, горящий у виска,
Как том стихов с высокою печатью.

* * *

Не цирк, не вечность и не карцер,
а понемногу от всего:
для взгляда лучшее лекарство —
перенатруженность его.

А у пространства здесь простуда,
а смерть не так уж и плоха,
раз начинается оттуда
чересполосица стиха.

И никогда не выйти срокам,
пока округлый окоём
ты не надышишь ненароком
на плачущем зрачке своём.

* * *

Весна поёт и девушки красивы.
Я слишком долго залегал на дно.
Из-под снегов растут презервативы
с бутылками пивными заодно.

Земля течёт, лучами разогрета,
и мутноватый выдаёт надой.
О, ты был прав, друг Фалес из Милета:
всё было иль становится водой.

И счёта нет размывчатым неделям —
я перестал быть времени рабом.
Безумный март с матерчатым апрелем
остолбенело чокается лбом.

Весна скулит, как сучка, чуя течку,
и я в попытках сладить с бытием
поставлю всем в контакте по сердечку
и с аппетитом курицу поем.

* * *

Отсутствие вещей ещё терпимо,
страшнее, если нету вещества
и за окном моим куда-то мимо
пустого мира падает листва.

На потолке гнездится что-то злое,
от вакуума страдает голова,
в тетрадах толстых под чернильным слоем
беспечно растворяются слова.

И толку ни на грош душе нетленной,
когда её во лжи не укорят:
капроновая тишина вселенной
абстрактна, как и всякий звукоряд.

И я уже не ощущаю пластырь
на пальце, что об воздух раскровил,
с небес осенних вниз стекает плазма,
бессильная земле прибавить сил.

Я поглощён привычным этим адом,
но есть ещё единственная нить —
как хорошо, что ты со мною рядом:
тебя-то уж никак не отменить...

---

* * *

Наплевать, что слова наплывают
друг на друга в усталом мозгу.
Обо мне ничего не узнают,
если я рассказать не смогу.

Но не в этом ирония злая
задыхания строк на бегу:
о тебе ничего не узнают,
если я рассказать не смогу.

Снова рифмы морскими узлами
я в бессонные строфы вяжу.
Ни о чём ничего не узнают,
если я обо всём не скажу.

* * *

Так пишут в речке вилами
о гибели вещей
казнить нельзя помиловать
...без запятых вообще.

Здесь запятых не надобно
за миг до тишины
раз выдоха параболы
творцу разрешены

а точки нам заказаны
как пустоте зажим
извечно недосказанный
язык незавершим

Скребётся ноготочками
новорождённый стих
мы ставим многоточия
по сути, только их...

* * *

Такая ночь на свете белом,
такая тьма и тишина,
что понимаешь только телом,
насколько гибельна она.

А звёзды скалятся недобро
и всё зовут меня туда,
где ледяные кажет рёбра
беспозвоночная вода,

где вечно безответно эхо,
насколько громко ни кричи,
где тихо тлеют тонны смеха,
спрессованного в кирпичи,

там даже дышится натужно,
там уязвима вся броня.
Я знаю: мне туда не нужно,
но кто-то знает за меня...

* * *

Всё — ничего. Слова прилипли к нёбу.
Они не ладят больше с языком.
И только окон призрачную робу
Молчание колышет сквозняком.

Прошу тебя: уволь, не тиражируй
Пустых улыбок и дешёвых фраз.
Мне это всё уже не по ранжиру,
Невыносимо это мне сейчас.

Я приобщился к монолитной тверди,
Где ангелы шатаются одни
По тем краям, в которых смысл смерти
Бессмысленности жизни не сродни.

Здесь осетра не выловишь из Леты,
Да и рыбалка — только лишь предлог,
Пока дымка последней сигареты
Не встретил бесконечный потолок.

Устало, как поля и перелески,
Как фотки перелесков и полей,
С пустых страниц Казарин и Гандлевский
Глядят в меня, меня не веселей.

* * *

Подковырнуть снежок слегка
носком и на скамью усесться;
зима начальная сладка,
как сигарета после секса.

Снег, тонкий-тонкий, как капрон,
асфальта покрывает дикость.
И веришь: победит добро,
как говорил об этом Диккенс.

Почувствуй: время расползлось
и не зудит теперь под кожей,
всё растворил — и боль и злость —
сей снег, на счастье так похожий.

Взгляни, как нежно этот снег
облепливает твой ботинок.
А ты ведь просто человек.
Ты — человек, а он — бытиен.

Ты глохнешь от трамвайных визгов,
ты пьёшь чай и ешь варенья...
А тут — смотри! — всё в снежных искрах
пространство поглощает время.

Заворожённый и весёлый
сидишь, свободно, без нажима
в себя вдыхая невесомость
кружащих в воздухе снежинок.

Сидишь ты, молодой и дерзкий,
с блистанием в глазах лихим,
и понимаешь: снег как детство
безвременен и — как стихи.

Нащупаешь в кармане пачку,
достаешь и сорвёшь фольгу,
покуришь глубоко и смачно
и поваляешься в снегу.

И будешь прыгать, как апачи,
и чушь весёлую замелешь.
И вновь закуришь... И заплачешь...
Хоть и считал, что не умеешь.

* * *

М. Анкудинову

Снег оседает, как во сне,
лежит серея, но не тая.
В причудливом зрачка пятне
неразличима запятая,
возможно, там её и нет,
и это лишь пятно мазута,
не знает точности поэт,
душа которого разута,
и бродит босо по гвоздям
ногами целостного тела,
и путь её так страшно прям —
она б извилистей хотела.
Но слово брошено, как злак,
и кровь твоя ему лишь влага,
чтоб вышел строчкой не зигзаг,
но лишь иллюзия зигзага
на умозрительных полях
сетчатки, залитой пространством,
но — боже! — как глаза болят,
когда ты смотришь так пристрастно
на небо, руки заломив,
или в толпу, пытаясь выдрать
свою оттуда Суламифь, —
ан нету Суламифи, видно.
Здесь больше нету нихрена,
всё время падаешь в лакуны,
и бесконечная война
на стёклышках очков бликует.
А всё же хочется смотреть
в глаза любви и смерти в морду.
Смотреть всю жизнь и умереть —
по собственному недосмотру...

* * *

Весна, прививки и кровати
смешались в кубореализм,
остались на полях пометки
и два предлога: «в» и «из».

Кричи! А можешь — не кричи,
ведь всё равно твой крик потонет
в ополовиненной ночи,
в густом предутреннем гудроне.

Смотри: развратная заря
с собою день козлёнком тащит.
Сдержись, нюхни нашатыря
и бритву отложи подальше,

и протяни ещё хоть день —
на рифме, да на чём угодно,
чтоб ночью вновь смотреть в Нигде
в просвет свой четырёхугольный.

И так вот скок да перескок,
как по болотным шатким кочкам,
взгляни в себя сквозь перископ
словесных судорожных корчей

и силу жить там находи,
на день вперёд хотя б — не больше.
Но только — нет! — не уходи
в слепое смерти бездорожье,
в мир, что от света опорожнен,
не уходи! Не уходи!

ПАМЯТИ РЫЖЕГО, БАШЛАЧЁВА, МИШИНА

Беременные небом облака
плывут туда, где созревает слово.
Оно еще дозреет, а пока
поэту одиноко и херово.

Разведены-раскрещены пути,
но, завершивший сам себя в полёте,
он лишь тогда предстанет во плоти,
когда уже не нужно будет плоти.

Такой смертельный балаганный трюк.
Чего же вам, Володя, Саша, Боря?
Остервенело трётся звук о звук,
творя музыку и музыке вторя.

Слова... А что слова? Бессилен рок,
когда они кого-нибудь согрели,
но вот тогда-то ухмыльнётся бог
змеистою ухмылкой Сальери.

И вот тогда мы кой-чего поймём
и кой о чём серьёзно пожалеем,
потом запьём, оставшись при своём,
нам не летать — раз воздух тяжелее.

Потери бесконечны и горьки,
случайны и минутны обретенья,
а смерть несётся наперегонки
с ещё несостоявшимся рождением.

В сплетенье слов немая тишина,
в овал петли проглядывает нота.
Схватить её! Но плеть занесена.
И петь пора, да не поётся что-то.

* * *

Пространство сумерек кромся,
сквозь плотную густую сталь
с небес идёт дождя косая
прозрачная диагональ.

И ей навстречу — световая —
из неопределённых мест
идёт диагональ другая
и образует с нею крест.

А ты гадаешь всё: при чём тут —
подкожную гоняя ртуть —
не те, кто ими перечёркнут,
а Тот, кого не зачеркнуть.

И засыпаешь ненароком,
размалывая все мосты,
а тело чует за порогом
уже нездешние кресты.

* * *

На столе стоит холодный кофе.
Я уже давно не Холден Колфилд.

Да и дело тут не в кофеине,
Просто небо — как фильма Феллини.

Просто потрастил всю отвагу,
Просто стих уже не жжёт бумагу.

Просто ни братишки, ни сестрёнки,
Просто вековечны шестерёнки,

Что в часах друг другу зубья точат,
Мне уже не досаждая, впрочем.

Рвётся жизнь, как будто киноплёнка,
Потому что рвётся там, где тонко.

Понемногу затихает тренье,
Зрелость уменьшает силу зренья.

Горло сипнет и поёт неверно,
Так всё и кончается, наверно.

Это арифметика простая,
Я спокоен, сам в себя вращая.

Всё, с чем к богу я приду с повинной,
Делится на восемь с половиной.

МАЯКОВСКИЙ

Тянет выть по-волчьему,
на строке вися,
степь — поэта вотчина —
выжженная вся.

С петухами ранними
запевает смерть,
молодой да раненый
будет кровью петь.

Крик, что помаленечку
движет умирать,
возвращает в темечко
эхо-бумеранг,

и косу прибрежную
точит океан,
будет всё по-прежнему:
слёзы и туман

сигаретный, реющий
над пустым столом,
любит он зверей ещё:
звери греют дом.

Мутная и пенная
влага льётся с крыш.
Отзовись, вселенная,
что же ты молчишь?

Я тебя упраздную!
Я иду на вы!
Катится напраслина
пеньем горловым.

Под телами потными —
вечная кровать,
ничего не поняли —
нечем понимать,

коньячок был марочный,
все навеселе.
Рядом с фотокарточкой
маузер в столе.

И — в дома терпимости,
как шлея под хвост.
Выпало же вырасти
прямиком до звёзд!

Под смешки всеобщие
весь душой продрог,
по гудящей площади
двинулся пророк,

окон створки-устрицы
хлопали в дыму,
и глядели улицы
тихо вслед ему.

Давит в переносице,
и в глазах круги,
по векам разносятся
гулкие шаги.

В небо над киосками
вышел Человек.

Площадь Маяковского
укрывает снег.

* * *

А. Котельникову

Привет. Живи. Пока.
Люби. Спокойной ночи.
Как коротка строка,
но жизнь ещё короче.

А смерть ещё длинней.
Отдавши зуб за око,
я вряд ли стану злей
от твоего упрёка.

Мне чужды пыл творца
и ревность графомана,
я всё прочёл с конца
и вымер слишком рано.

Я слишком поселков
для полиса такого.
На память узелков
завяжешь — и готово.

Мне мерзостно смотреть,
как мыши глину месят,
но если хоть на треть
ты понял этот меседж,

то значит, всё путём,
и я рублю осину.

А главное — потом.
О главном — не под силу.

* * *

А. Кудрякову

Ни прожить да ни в Лету кануть —
это всё небылица, чушь.
Если бог — это твой аккаунт,
значит, здешней сети ты чужд.

Тяжела, как вода морская,
как песка золотого горсть,
это лирика городская
промывает тебя насквозь.

Грустно азбуке в старом ранце,
в антресольной густой пыли,
что соблазны шальных абстракций
не туда тебя увели.

Но стезя твоя неподсудна,
и записанный стих любой —
это только кусочек скудный
не случившегося с тобой,

это маленькие калоши,
чей из детства засыпан след.
Милый мой, дорогой, хороший,
хренов грёбаный мой поэт.

* * *

500 шагов до магазина.
Всего-то ничего. Чуть-чуть.
А будто тянешь в мокасинах
тяжёлый по болотам путь.

И вроде это не с винца,
и вроде трезвый без рисовки,
но чувствую кило свинца,
зашитого в мои кроссовки.

Там в кухне трёп, что все умрём,
что умирать, мол, неохота.
А я топчусь под фонарём,
как топчется в грязи пехота.

И шагу сделать не могу:
настолько всё смешно и плоско,
и на замёрзшее рагу
похожи улицы Свердловска.

Скорей — туда. Мне страшно здесь,
где свет на темень наплывает.
Скорей. Под кофты девкам лезть,
и есть, и пить, раз наливают.

Ведь я не бог и не герой,
их полномочий не ворую.
Я просто послан за второй,
а там, на кухне ждут вторую...

* * *

Безветрие. Подайте бури мне,
ведь скоро мне не надо будет бури.
Мы с зеркалом играем в буриме,
оно со смертью жизнь мою рифмует.

Придуманные пляски на ноже
кончаются нелепей с каждой строчкой,
из знаков препинания уже
я всё дружнее не с запятой, а с точкой.

Не те слова, мелодия не та,
что мне играла в беззаботном детстве.
В мои, кажись бы, скромные лета
почил уж Веневитинов чудесный.

Ещё чуток — и Лермонтова я
переживу, живучая скотина.
Мне скажут, что я жизнью провонял,
что стих мой — обезвреженная мина.

А далее Есенин там пойдёт,
а дальше — Пушкин, Байрон, Маяковский,
и не дай бог вперёд меня пойдёт
какой-то нежный верлибрист московский.

Но бог не даст. Он сдачи не даёт,
а стихотворство — вовсе не от бога.
Зажился я... На лестничный пролёт
пойду курну — убью себя немного.

ПИТЕР

На Васильевском острове плавленный ел я сырок,
я бы мяса поел, только денег уже не осталось,
уезжать не хотелось, ведь здесь даже в крике сорок
что-то слышится — кажется, будто бы из Мандельштама.

Я влюблён в прямизну этих мощных уверенных линий,
что томление пространства практически сводят на нет,
рассекаешь по Невскому, словно какой-нибудь Плиний,
а не как по Свердловску убогий свердловский поэт.

Питер, я прорастаю в тебя до упора,
до излома сетчатки, до звона пустых позвонков,
я тебя увезу далеко — на Уральские горы,
Питер, я тебя в строчки упрячу — и буду таков.

Вечереет уже, и в Неве, как в зеркале летейском,
отражается всё, что я знаю теперь наизусть,
и туманное небо щекочет шпиль Адмиралтейства,
и, пришпорив коня, Пётр топчет посконную Русь.

Послезавтра уже поднимусь я немного фатально
на родной и привычный заплёванный третий этаж
и по дням потеку с безмятежным спокойствием Фонтанки,
утешаясь лишь тем, что зафоткал я весь Эрмитаж.

Но доеден сырок, и осталась одна лишь сорока,
неспокойно бедняге, кроит побледневшую тьму,
и на этот раз чудится что-то как будто из Блока,
и молчит Петербург, но отвечает вечность ему.

* * *

*Россия! Родина!... ..Слонов,
Велосипедов, водорода...
Что ни любовь — любовь до гроба.
Что ни поэт — то Тягунов!
Р. Тягунов*

Над бедной щерится Россией
языческих времён оскал:
Иван за косы Ефросинью
по всей деревне оттаскал,

а пудель в розовых колготах
промчался с лаем по Тверской,
его поймали эмо-готы,
сожрали и ушли с тоской.

Братки вернулись из полона,
упала пьяная звезда,
а водка, как всегда, палёна,
не больше, впрочем, чем вода

обычная, да и святая,
в патриархии мёртвых душ,
и ангелы, сюда слетая,
обратно не взлетают уж.

Доколе, вопию, доколе
сей топос будет столь суров?!
Что ни любовь — любовь до койки,
что ни поэт — то Комаров!

ДЕТСКОЕ

В те времена я не начал ещё метаться,
не осушал бутылки, в воздух бросал подушки.
Слова такого не знал ещё — пигментация,
но радостный был, когда по весне — веснушки

рожу мою покрывали обильным слоем,
«Солнцем присыпало», — мне говорила мама.
Доброе было — и было сильнее, чем злое,
было и злое, но — несерьёзно мало.

Люди ещё не пахли резиной жжёной,
и раздражали только комочки в каше.
Думал: девчонку встречу и сразу — в жёны,
и сыновей чтоб двое — Петя и Саша.

Ел апельсин, катался в ковёрном ворсе,
плакал повсюду, красивые строя позы,
если бы знал, что потом не сумею вовсе,
был осмотрительней бы и экономил слёзы.

Песенки пел, буквы писал в тетради,
как-то влетел в берёзу — на россыпь искр, —
зайчиком был на утреннике в детсаде
(так и остался, сука, пуглив и быстр).

Лез на деревья, корчил прохожим рожи,
кошкам хвосты обматывал липким скотчем...

С рифмой не повзрослеешь, но только всё же
как-то не по себе мне последнее время очень.

* * *

Смотрели, и не моргали,
и видели свет и боль, —
так режут по амальгаме
своё отражение вдоль

и делают поперечный
контрольный святой разрез,
и волчьей, и птичьей речью
напичкан кирпичный лес.

Да кто я, стихи диктую
себе самому впотьмах?
Так первого поцелуя
боится последний страх.

Так плавится мозг наш костный,
на крик раздирая рот,
так правится високосный
вконец окосевший год.

Так ночью безлунно-сиплой,
когда не видать стиха,
бесшумно на землю сыплет
небесная требуха.

По скользкому патефону
скребётся игла зимы.
И в зеркале потихоньку
опять проступаем мы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ю. Казарин. Предисловие	3
«Лирическая дрожь пульсирует в гортани...»	6
«Бог забит молотками молитв...»	8
«Мир залит жидким креозотом...»	10
Аккорды кондора	11
«Говорили — ищущий обрящет...»	13
«Когда впервые я упёрся...»	14
«Когда ты сделан не по ГОСТу...»	15
«С тех пор, когда не стало больше смерти...»	16
«Этот мальчик поэт...»	17
«То ли ангел спичкой чиркнул...»	18
«Пространство сладко, словно карамель...»	19
«Я не брил растущую бороду...»	20
Письмо Н.А.	22
«И конница окон, и оклика клинок...»	23
«Ты хотела про нас?...»	24
«На третьей остановке от тебя...»	25
«Молчанью не нужен рупор...»	26
«Мне нечего сказать. Я знаю о немногом...»	27
«Время истекает...»	28
«Сжат сюжет и закручен в пружину...»	29
«В том городе, куда сбежали мы...»	30
«О, как стенные трещины узорны...»	31
«Полушёпотом, только губами...»	32
«Так птица вылетает из гнезда...»	33
«Не цирк, не вечность и не карцер...»	34
«Зачин здесь не особо важен...»	35
«Отсутствие вещей ещё терпимо...»	36
«Наплевать, что слова наплавают...»	37
«Так пишут в речке вилами...»	38
«Такая ночь на свете белом...»	39
«Всё — ничего. Слова прилипли к нёбу...»	40
«Подковырнуть снежок слегка...»	41
«Снег оседает, как во сне...»	43
«Весна, прививки и креветки...»	44
Памяти Рыжего, Башлачёва, Мишина	45

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Пространство сумерек кромсая...»	46
«На столе стоит холодный кофе...»	47
Маяковский	48
«Привет. Живи. Пока...»	50
«Ни прожить да ни в Лету кануть...»	51
«500 шагов до магазина...»	52
«Безветрие. Подайте бури мне...»	53
Питер	54
«Над бедной щерится Россией...»	55
Детское	56
«Смотрели, и не моргали...»	57

Литературно-художественное издание
Комаров Константин Маркович

ОТ ВРЕМЕНИ ВДОГОНКУ

Составление — Ю.В. Казарин.
Корректор — Н.А. Зайцева.
Компьютерная вёрстка —
Творческое объединение
«Уральский меридиан».

Подписано в печать 28.03.2012. Формат 79x108/32
Бумага офсетная. Гарнитура Literaturnaya
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 850
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии АМБ
620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59.
Тел.: (343) 251-65-91, 251-65-95